

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ХАРЧЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 40107/02)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

10 февраля 2011

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

10/05/2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

По делу Харченко против Украины,

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Peer Lorenzen, *председатель,*

Karel Jungwiert,

Mark Villiger,

Isabelle Berro-Lefèvre,

Mirjana Lazarova Trajkovska,

Ganna Yudkivska,

Julia Laffranque, *судьи,*

и Claudia Westerdiek, *секретарь секции,*

Обсудив дело за закрытыми дверями 18 января 2011 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 40107/02) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Украины г-ном Леонидом Петровичем Харченко (далее – «заявитель») 23 октября 2002 года.

2. Заявителя, которому была предоставлена оплата правовой помощи, представлял г-н С.В. Захаров, адвокат, практикующий в Киеве. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Ю. Зайцев из Министерства юстиции.

3. 13 ноября 2006 года Суд признал жалобу частично неприемлемой и постановил довести до сведения Правительства жалобы, касающиеся условий содержания заявителя под стражей и ненадлежащей медицинской помощи (статья 3), длительности и законности его содержания под стражей (статья 5 §§ 1(с) и 3), отсутствия возможности обжаловать незаконность и продолжительность содержания под стражей (статья 5 § 4), а также необоснованной длительности уголовного разбирательства и отсутствия эффективных средств правовой защиты от этого (статьи 6 § 1 и 13 Конвенции). Суд также решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением ее приемлемости (статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1958 году и живет в Киеве.

A. Уголовное разбирательство в отношении заявителя

5. 21 апреля 2000 года прокурор Ватутинского района Киева (далее – «прокурор Ватутинского района») возбудил уголовное дело по факту хищения средств компании Р. Первоначально заявитель проходил свидетелем по делу.

6. 4 апреля 2001 года прокурор Ватутинского района возбудил уголовное дело в отношении заявителя, подозревая его в причастности к хищению.

7. 7 апреля 2001 года прокурор Ватутинского района вынес постановление о заключении заявителя под стражу, так как он подозревался в совершении преступления, наказуемого тюремным заключением.

8. 17 мая 2001 года следователь возбудил еще одно уголовное дело против заявителя по подозрению его в участии в хищении, и присоединил его к первому уголовному делу против заявителя.

9. 3 июня 2001 года тот же прокурор продлил содержание заявителя под стражей до 4 июля 2001 года.

10. В период с 27 июня по 6 сентября 2001 года и 14 сентября 2001 года заявитель и его адвокат изучали материалы уголовного дела.

11. 14 сентября 2001 года заявителю было предъявлено обвинение в хищении.

12. 28 сентября 2001 года прокурор Ватутинского района утвердил обвинительное заключение. Дело было передано для рассмотрения по существу в Ватутинский районный суд г. Киева (далее – «Ватутинский суд»).

13. 26 сентября 2001 года адвокат заявителя подал ходатайство в Ватутинский суд о немедленном освобождении заявителя.

14. 5 октября 2001 Ватутинский суд получил материалы дела, и 12 октября 2001 года судья К. Ватутинского суда провел предварительное слушание по этому делу.

15. 15 октября 2001 года судья К. постановил направить уголовное дело в отношении заявителя на дополнительное расследование. Он также отклонил ходатайство заявителя от 26 сентября 2001 года об освобождении, не найдя оснований для изменения меры пресечения, назначенной прокурором. В частности, суд указал, что заявитель содержался под стражей на основании постановления

прокурора с 7 апреля 2001 года, чтобы заявитель не мог уклониться от расследования и явки в суд, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу и продолжить преступную деятельность, а также в целях обеспечения выполнения процессуальных решений в случаях, когда закон предусматривает лишение свободы на срок свыше трех лет. Предельный срок для содержания под стражей не был установлен.

16. 29 января 2002 года Киевский городской апелляционный суд (далее – «Апелляционный суд») отменил решение от 15 октября 2001 года и направил дело для рассмотрения по существу в Деснянский районный суд г. Киева (ранее – Ватутинский районный суд, который после изменения судебных округов в Киеве стал Деснянским районным судом; далее – «Деснянский суд»).

17. 4 марта 2002 в Деснянском суде состоялось предварительное слушание по данному делу. Суд рассмотрел ходатайство заявителя об освобождении под залог и не нашел причин для удовлетворения этого ходатайства. Он также отметил, что заявитель содержался под стражей законно, учитывая, что уголовное дело против него еще не закончено.

18. 11 марта 2002 года адвокат заявителя обратился в Деснянский суд с ходатайством об освобождении заявителя. Это ходатайство было отклонено в тот же день. Суд счел, что заявитель может уклониться от правосудия или воспрепятствовать ему, и, учитывая его возраст, состояние здоровья, семейное и экономическое положение, не имеется никаких оснований для замены содержания под стражей другой мерой пресечения. 14 марта 2002 года суд отклонил аналогичное ходатайство заявителя на тех же основаниях, добавив, что серьезность обвинений была также принята во внимание. Еще два аналогичных ходатайства заявителя были отклонены судом 4 и 19 апреля 2002 года на тех же основаниях.

19. 29 апреля 2002 Деснянский суд снова постановил направить дело на дополнительное расследование. Суд также санкционировал содержание заявителя под стражей, отметив, без дальнейших уточнений, что нет никаких оснований для изменения меры пресечения. Предельный срок для содержания под стражей не был установлен.

20. 23 июля 2002 года Апелляционный суд отменил это решение и направил дело на повторное рассмотрение по существу. Суд также отметил, что не было никаких правовых оснований для удовлетворения ходатайства заявителя об освобождении, и счел, что решение суда первой инстанции по этому вопросу было законным, обоснованным и соответствовало материалам дела. Таким образом, суд оставил меру пресечения без изменений.

21. В августе 2002 года Апелляционный суд распорядился передать уголовное дело из Деснянского суда в Голосеевский районный суд г. Киева (далее – «Голосеевский суд»).

22. 28 августа 2002 Голосеевский суд распорядился провести слушание по существу дела 13 сентября 2002 года.

23. 14 октября 2002 года судья С. возобновила рассмотрение дела по существу и сообщила адвокату заявителя, что она решила не передавать дело на дополнительное расследование. Суд также отклонил ходатайство заявителя об освобождении на том основании, что он может уклониться от правосудия или препятствовать ему.

24. 17 октября 2002 защита потребовала отвода судьи С.

25. 24 декабря 2002 года судья С. Голосеевского суда постановил передать дело на дополнительное расследование. Он также постановил, что нет никаких оснований для изменения меры пресечения в отношении заявителя.

26. 13 марта 2003 года Апелляционный суд отменил решение от 24 декабря 2002 года и вернул дело в Голосеевский суд для рассмотрения по существу. Он также повторно постановил, что заявитель должен оставаться под стражей, так как ему было предъявлено обвинение в совершении серьезных преступлений, наказуемых лишением свободы.

27. 13 мая 2003 Голосеевский суд постановил вернуть дело на дополнительное расследование прокурору Ватутинского района. Он также продлил содержание заявителя под стражей, без каких-либо конкретных оснований. Суд также отклонил ходатайство заявителя о прекращении производства по делу.

28. 28 июля 2003 года Верховный суд отклонил ходатайство заявителя о подаче кассации по вопросам права против отказа в прекращении производства по делу, так как заявитель не выполнил процессуальных формальностей.

29. 4 августа 2003 года Деснянский районный прокурор освободил заявителя из-под стражи под подписку о невыезде.

30. 30 августа 2003 года адвокат заявителя безуспешно просил обвинение амнистировать заявителя с учетом характера выдвинутых против него обвинений и его плохого состояния здоровья.

31. 24 октября 2003 года уголовное разбирательство было отложено, поскольку один из подозреваемых в то время находился в розыске.

32. 30 декабря 2003 года следователь Деснянской районной прокуратуры прекратил уголовное дело в отношении заявителя по всем кроме двух обвинений в связи с отсутствием доказательств его участия в преступлении. Уголовное дело в отношении остальных обвинений было передано в Деснянский райотдел милиции.

33. 18 сентября 2004 года следователь Деснянского райотдела милиции прекратил уголовное дело против заявителя в отношении остальных обвинений за отсутствием доказательств и возбудил уголовное дело в отношении преступлений, совершенных неизвестным лицом. Это решение, как представляется, было ошибочно датировано

18 сентября 2003 года вместо 18 сентября 2004 года. На следующий день уголовное дело было приостановлено в связи с невозможностью установить личность подозреваемого.

В. Условия содержания под стражей

34. В период с 20 апреля 2001 года по 4 августа 2003 года заявитель содержался в Киевском СИЗО № 13, где, по утверждению заявителя, он содержался в плохих условиях и не получал надлежащей медицинской помощи.

35. По данным Правительства, в этом учреждении заявитель содержался в следующих камерах:

- № 30, площадью 9 м², рассчитанная на 3 заключенных;
- № 64, площадью 52.36 м², рассчитанная на 20 заключенных;
- № 66, площадью 53.07 м², рассчитанная на 21 заключенного;
- № 68, площадью 61.19 м², рассчитанная на 24 заключенных;
- № 72, площадью 10.21 м², рассчитанная на 4 заключенных;
- № 76, площадью 9.92 м², рассчитанная на 3 заключенных;
- № 116, площадью 10 м², рассчитанная на 4 заключенных;
- № 117, площадью 9.96 м², рассчитанная на 3 заключенных;
- № 128, площадью 15.95 м², рассчитанная на 6 заключенных;
- № 195, площадью 22.44 м², рассчитанная на 8 заключенных;
- № 258, площадью 23.38 м², рассчитанная на 5 заключенных;
- № 263, площадью 24.9 м², рассчитанная на 6 заключенных;
- № 326, площадью 12.9 м², рассчитанная на 5 заключенных;
- № 328, площадью 12.9 м², рассчитанная на 5 заключенных;
- № 333, площадью 12.9 м², рассчитанная на 8 заключенных;
- № 336, площадью 12.9 м², рассчитанная на 5 заключенных.

Во всех камерах были постоянное холодное водоснабжение, естественное и искусственное освещение, отдельный туалет и вентиляция. Число заключенных в каждой камере не превышало количество мест.

36. По словам заявителя, он не содержался в камерах 333 и 336. В камерах 64, 66 и 68 находилось по 40 нар. В камере 72, площадью 9 м², было сыро и очень холодно зимой. В этой последней камере он провел в общей сложности около 18 месяцев. В камере 195, с очень плохой вентиляцией, он провел в общей сложности около шести месяцев.

С. Медицинская помощь в заключении

37. По утверждению Правительства, заявитель прошел полное медицинское обследование по прибытии в СИЗО 20 апреля 2001 года.

Он не высказывал никаких жалоб на здоровье и был поставлен на диспансерный учет в связи с хроническим заболеванием.

38. 16 ноября 2001 года, 24 апреля 2002 года и 15 апреля 2003 года заявитель регулярно проходил медицинские осмотры и рентген. Медики не нашли у него никаких заболеваний легких.

39. Согласно медицинской справке, выданной 6 декабря 2001 года, заявитель страдал легкой формой сахарного диабета, и нуждался не в лечении, а в специальной диете.

40. Согласно медицинской справке, выданной 10 июля 2002 года, заявителю был поставлен диагноз ишемическая болезнь сердца, стенокардия и диабет.

41. 15 января 2003 года заявителя осмотрел кардиолог, который обнаружил у него ишемическую болезнь сердца и стенокардию.

42. 27 января 2003 года заявитель обратился за медицинской помощью, жалуясь на боль в груди и головокружение. После медицинского осмотра было принято решение о помещении заявителя в санчасть СИЗО. С 28 января 2003 года заявитель прошел обследование в санчасти СИЗО, и ему был поставлен диагноз нейроциркуляторная дистония и шейный остеохондроз. Заявителю было прописано несколько различных лекарств. Каждые три дня его осматривал терапевт. 29 января 2003 года заявителя осмотрел кардиолог, который сделал вывод, что у заявителя нет проблем с сердцем. 30 января 2003 года заявителя осмотрел невропатолог. 11 марта 2003 года заявитель покинул санчасть СИЗО в удовлетворительном состоянии здоровья. После этого лечения, и до своего освобождения, заявитель не обращался к врачам ни с какими медицинскими жалобами.

43. После освобождения заявитель прошел, с 7 по 27 августа 2003 года, лечение в Киевской больнице № 15 в связи с аритмогенной кардиомиопатией и мерцательной аритмией.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

44. Статья 253 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что, при привлечении обвиняемого к суду, судья должен решить, в частности вопрос об изменении, прекращении или применении меры пресечения. Другие соответствующие положения внутреннего законодательства кратко изложены в решениях по делам *Nevmerzhitsky v. Ukraine* (no. 54825/00, §§ 53-61, ECHR 2005-II (extracts)), и *Shalimov v. Ukraine* (no. 20808/02, §§ 39-42, 4 March 2010).

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ

45. В своем ответе на замечания Правительства, заявитель подал новые жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции на плохие условия содержания под стражей в отделении милиции до перевода в СИЗО, а также содержания в здании суда во время судебных слушаний. Суд отмечает, что эти новые, запоздалые жалобы не являются развитием исходных жалоб заявителя, по которым стороны высказали свое мнение. Суд считает, таким образом, что не следует отдельно рассматривать эти вопросы (см. *Vitruk v. Ukraine*, по. 26127/03, § 49, 16 September 2010).

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

46. Заявитель жаловался, что он подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, так как он содержался под стражей, несмотря на наличие у него ряда хронических заболеваний. Он также жаловался на условия содержания под стражей и отсутствие надлежащей медицинской помощи в заключении, ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Переполненность камер и физические условия содержания под стражей

1. Приемлемость

47. Правительство утверждало, что жалобы заявителя недостаточно конкретны и не содержат подробностей относительно условий содержания под стражей. Они утверждали, что условия содержания заявителя под стражей соответствовали санитарным нормам, питание было надлежащим, и случаев переполненности камер не было.

48. Заявитель не согласился. Он жаловался на переполненность камер, плохую вентиляцию и недостаточное отопление в холодную погоду.

49. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3(а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

50. Суд отмечает, что, в соответствии с его практикой, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка этого минимального уровня жестокости относительна, она зависит от всех обстоятельств дела, таких, как продолжительность обращения, его физические и психологические последствия, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см., среди прочего, *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 162, Series A no. 25). Кроме того, при рассмотрении вопроса о том, было ли обращение «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, Суд учитывает, имело ли оно целью унижить и оскорбить человека, и, что касается последствий такого обращения, насколько они отрицательно сказались на личности в смысле, не совместимом со статьей 3. Даже отсутствие такой цели не может окончательно исключить признание нарушения этого положения (см. *Peers v. Greece*, no. 28524/95, §§ 67-68 and 74, ECHR 2001-III, и *Valašinas v. Lithuania*, no. 44558/98, § 101, ECHR 2001-VIII.).

51. Суд неоднократно подчеркивал, что страдания и унижения должны в любом случае превышать уровень неизбежных страданий или унижений, связанных с данной формой законного обращения или наказания. Лишение человека свободы может часто включать такой элемент. В соответствии с этим положением государство должно обеспечить содержание лиц под стражей в условиях, совместимых с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры пресечения не подвергали его страданиям или трудностям, превышающим неизбежный уровень страданий, свойственных содержанию в заключении, а также обеспечить адекватные гарантии его здоровья и благополучия с учетом практических требований режима лишения свободы (см. *Kalashnikov v. Russia*, no. 47095/99, § 95, ECHR 2002-VI).

52. В данном случае стороны предоставили различные данные относительно жилого пространства на одного заключенного во время содержания заявителя под стражей в Киевском СИЗО. Данные, предоставленные Правительством, показывают, что в большинстве камер, где содержался заявитель, приходилось в среднем от 2,55 до 4,67 кв. м. жилого пространства на одного заключенного. С другой стороны, заявитель утверждает, что предоставленное ему в этом учреждении жилое пространство составляло всего одну треть от той, о которой говорило Правительство.

53. Суд отмечает, что Правительство не представило никаких доказательств в поддержку своей оценки жилого пространства на одного задержанного в Киевском СИЗО, несмотря на то, что соответствующая информация и доказательства имелись в их

распоряжении. В любом случае, в свете практики Суда по этому вопросу и соответствующих норм Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (которые изложены, например, в *Kalashnikov*, упомянутом выше, § 97, и *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, § 47, 28 March 2006), даже данные Правительства свидетельствуют, что заявитель содержался в переполненных камерах.

54. Суд далее отмечает, что Правительство никак не обосновало свои утверждения о нормальной вентиляции. В таких обстоятельствах Суд склонен отдать предпочтение утверждениям заявителя по этому поводу (см. *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, § 426, 6 April 2004). Таким образом, Суд считает, что содержание заявителя под стражей в переполненных камерах в течение двух лет, трех месяцев и пятнадцати дней еще более усугублялось недостаточной вентиляцией. Этот вывод подтверждается выводами Суда по делу Коваля (см. *Koval v. Ukraine*, no. 65550/01, § 76, 19 October 2006), касающемуся содержания в том же СИЗО.

55. Изложенные соображения являются достаточными, чтобы Суд пришел к заключению, что физические условия содержания заявителя в Киевском СИЗО № 13 представляли собой унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции.

В. Ненадлежащая медицинская помощь

56. Правительство утверждало, что заявителю оказывалась надлежащая медицинская помощь. Он регулярно проходил медицинские осмотры, и реакция на его жалобы, связанные со здоровьем, была адекватной.

57. Заявитель считает, что медицинская помощь была ненадлежащей. Он утверждал, что во время нахождения в заключении он перенес сердечный приступ и не получил никакой медицинской помощи. Он также отметил, что в январе 2003 года кардиолог сделал два противоречивых вывода в отношении его проблем с сердцем (см. пункты 41 и 42 выше). Он далее отметил, что одна из его медицинских справок была сфальсифицирована, поскольку биометрические данные в ней были указаны неверно, и, хотя тюремные власти госпитализировали его, они не признали, что у него имеются проблемы с сердцем. Он также отметил, что после освобождения он прошел стационарное лечение сердечно-сосудистого заболевания вследствие плохих условий содержания.

58. Суд отмечает, что статья 3 налагает на государство обязательство защищать физическое благополучие лиц, лишенных свободы. Суд признает, что медицинская помощь в лечебных учреждениях пенитенциарной системы не всегда может оказываться на

таком же уровне, как в лучших гражданских медицинских учреждениях. Тем не менее, государство обязано должным образом обеспечивать здоровье и благополучие задержанных, в частности, путем оказания им необходимой медицинской помощи (см. *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI, и *Hurtado v. Switzerland*, 28 January 1994, Series A no. 280-A).

59. Тот факт, что задержанного осмотрел врач и назначил ему определенное лечение, не приводит автоматически к выводу, что медицинская помощь была надлежащей (см. *Hummatov v. Azerbaijan*, nos. 9852/03 и 13413/04, § 116, 29 November 2007). Власти должны также обеспечить ведение подробных записей относительно состояния здоровья задержанного и его лечения в заключении (см., например, *Khudobin v. Russia*, no. 59696/00, § 83, ECHR 2006-XII (выдержки)), и, если это необходимо, обеспечить регулярное и систематическое медицинское наблюдение, а также применение всеобъемлющей терапевтической стратегии, направленной на лечение заболевания задержанного и предотвращающей его обострения, а не просто на лечение симптомов (см. *Hummatov*, упомянутое выше, §§ 109, 114; *Sarban v. Moldova*, no. 3456/05, § 79, 4 October 2005; и *Popov v. Russia*, no. 26853/04, § 211, 13 July 2006).

60. В данном случае, Суд отмечает, что 15 января 2003 года у заявителя было выявлено заболевание сердца, и 28 января 2003 года он был госпитализирован с болью в груди. Диагноз в последнем случае не был связан с какой-либо болезнью сердца. Суд не в состоянии решить, какой из указанных диагнозов был правильным, и обоснованы ли утверждения заявителя о том, что власти не признавали его сердечное заболевание во время его пребывания в санчасти СИЗО. В этих обстоятельствах, Суд будет рассматривать, было ли лечение надлежащим при состоянии здоровья заявителя в то время. В этой связи Суд отмечает, что заявитель был помещен в санчасть СИЗО на следующий день после того, как он жаловался на боль в груди. Ему были прописаны лекарства, и его регулярно осматривал врач. 11 марта 2003 года он был выписан в удовлетворительном состоянии и не жаловался на здоровье до своего освобождения из СИЗО примерно через пять месяцев. Этот последний момент не оспаривается заявителем. Кроме того, его госпитализация в августе 2003 года, после его освобождения, как представляется, не имела никакой причинно-следственной связи с его лечением в период с января по март 2003 года. Его утверждение, что у него был сердечный приступ, не подтверждается достаточно подробными сведениями, в том числе датой приступа. Наконец, состояние его здоровья не было, по всей видимости, настолько плохим, чтобы быть несовместимым с содержанием под стражей.

61. В свете вышеизложенного, Суд считает, что эта часть жалобы не была должным образом обоснована и разъяснена заявителем (см., *mutatis mutandis*, *Visloguzov v. Ukraine*, по. 32362/02, § 49, 20 May 2010). Поэтому она должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

62. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей было незаконным, и его общая длительность была необоснованной. Он ссылаясь на статью 5 §§ 1(с) и 3 Конвенции. Заявитель также жаловался на нарушение статьи 6 § 1 и 13 Конвенции в отношении отсутствия эффективных средств правовой защиты в связи с его жалобами касательно его содержания под стражей. Суд решил рассмотреть эту последнюю жалобу в рамках статьи 5 § 4 Конвенции. Соответствующие положения статьи 5 гласят:

Статья 5

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Приемлемость

63. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что они не являются неприемлемыми по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. Статья 5 § 1(с)

64. Заявитель считает, что его содержание под стражей было незаконным.

65. Правительство утверждало, что содержание заявителя под стражей было законным. Первоначально он был задержан по постановлению прокурора, который имел законное право принять решение о содержании под стражей в таких обстоятельствах. Задержание в рамках этой процедуры подпадало под действие оговорки к статье 5 § 1(с) Конвенции, введенной Украиной в соответствии со статьей 57 Конвенции с целью регулирования процедуры ареста и содержания под стражей, которая действовала в соответствующее время (до 29 июня 2001 года). Правительство также отметило, что национальные суды неоднократно пересматривали законность содержания заявителя под стражей и санкционировали его. Правительство заявило, что, с учетом неявки заявителя на допрос в качестве свидетеля до его ареста, власти приняли во внимание риск его побега и серьезность обвинений, выдвинутых против заявителя.

66. Суд отмечает, что досудебное содержание под стражей заявителя можно разделить на три периода. Первый период, подпадающий под постановления прокуроров, продолжался со дня ареста заявителя 4 апреля по 4 июля 2001 года, когда истек последний срок его содержания под стражей по распоряжению прокурора (см. пункт 9 выше). Второй период, который не подпадал под какие-либо решения, длился с 4 июля до 15 октября 2001 года, когда судья принял решение о содержании заявителя под стражей в ожидании суда. Наконец, третий период, подпадающий под вышеупомянутое решение суда от 15 октября 2001 года и несколько следующих судебных решений, начался 15 октября 2001 года и закончился освобождением заявителя 4 августа 2003 года.

(а) Законность содержания заявителя под стражей с 4 апреля по 4 июля 2001 года

67. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей было первоначально санкционировано прокурором Ватутинского района

7 апреля 2001 года. Задержание в рамках этой процедуры подпадало под действие оговорки к статье 5 § 1(с) Конвенции, введенной Украиной в соответствии со статьей 57 Конвенции с целью регулирования процедуры ареста и содержания под стражей, которая действовала в соответствующее время (до 29 июня 2001 года). Суд ссылается на свои выводы в деле случае *Nevmerzhitsky* о том, что, в соответствии с положениями вышеупомянутой оговорки, Украина не обязана, по Конвенции, гарантировать, что первоначальный арест и задержание таких лиц, как заявитель, должны производиться по распоряжению судьи. Однако Суд также постановил в этом деле, что вопросы дальнейшего содержания под стражей не подпадают под действие вышеуказанной оговорки (см. *Nevmerzhitsky*, упомянутое выше, §§ 112-114).

68. Содержание заявителя под стражей один раз продлевалось соответствующим прокурором на один месяц. Это постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей было вынесено 3 июня 2001 года тем же прокурором на период с 4 июня по 4 июля 2001 года.

69. Суд отмечает, что никакого судебного решения о содержании под стражей заявителя с 4 июня по 4 июля 2001 года не принималось. Решение о продлении срока содержания заявителя было принято прокурором, который был стороной в деле, и в принципе не может считаться «независимым должностным лицом, уполномоченным законом осуществлять судебную власть» (см. *Merit v. Ukraine*, по. 66561/01, § 63, 30 March 2004). В таких обстоятельствах, Суд пришел к выводу, что дальнейшее содержание заявителя под стражей с 4 июня по 4 июля 2001 года не было законным по смыслу статьи 5 § 1(с) Конвенции. Поэтому нет необходимости рассматривать вопрос о соответствии внутреннему законодательству части указанного срока, с 29 июня по 4 июля 2001 года, когда вступили в силу поправки к Уголовно-процессуальному кодексу.

(b) Законность содержания заявителя под стражей с 4 июля по 15 октября 2001 года

70. Суд отмечает, что, в соответствии со статьей 156 Уголовно-процессуального кодекса, которая действовала в то время, не было необходимости в принятии внутреннего решения для санкционирования содержания под стражей в период, когда заявитель изучал материалы дела. В данном случае, срок действия последнего постановления прокурора о продлении содержания заявителя под стражей истек 4 июля 2001 года. Заявитель оставался в заключении с 4 июля по 15 октября 2001 года без какого-либо решения в отношении его содержания под стражей в период изучения им материалов дела, в период подготовки следственными органами

обвинительного заключения и в период передачи материалов дела в суд для рассмотрения.

71. Суд уже рассмотрел и признал нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в ряде дел, касающихся практики содержания обвиняемых под стражей только на основании того, что обвинительное заключение было передано в суд первой инстанции. Суд неоднократно устанавливал, что практика содержания обвиняемых под стражей без конкретной правовой базы или четких правил, регулирующих их положение – в результате чего они могут быть лишены свободы на неопределенный срок без судебной санкции – несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола, которые являются общей идеей Конвенции и принципа верховенства права (см. *Yeloyev v. Ukraine*, no. 17283/02, § 50, 6 November 2008).

72. Таким образом, период содержания заявителя под стражей с 4 июля по 15 октября 2001 года не соответствовал статье 5 § 1 Конвенции.

(с) Законность содержания заявителя под стражей с 15 октября 2001 года по 4 августа 2003 года

73. Суд далее отмечает, что в соответствии со статьей 253 Уголовно-процессуального кодекса при предании обвиняемого суду национальный суд должен решить вопрос об изменении, прекращении или применении меры пресечения. От суда не требуется приводить основания для продолжения содержания обвиняемого под стражей или устанавливать какие-либо временные ограничения содержания под стражей.

74. Суд считает, что отсутствие четких положений, устанавливающих, может ли (и если да, то при каких условиях) заключение под стражу на ограниченный срок на стадии расследования быть продлено должным образом на стадии судебного разбирательства, не удовлетворяет критерию «предсказуемости закона» для целей статьи 5 § 1 Конвенции. Суд также повторяет, что практика, сложившаяся в результате пробелов в законодательстве, в рамках которой лицо может быть задержано на неограниченный и непредсказуемый срок без конкретных правовых положений или судебного решения, сама по себе противоречит принципу правовой определенности и защиты от произвола, которые являются общей идеей Конвенции и принципа верховенства права (см. *Baranowski v. Poland*, no. 28358/95, §§ 55-56, ECHR 2000-III, *Kawka v. Poland*, no. 25874/94, § 51, 9 January 2001, *Feldman v. Ukraine*, nos. 76556/01 и 38779/04, § 73, 8 April 2010).

75. Суд отмечает, что, хотя суд одобрил предварительное содержание под стражей заявителя в своем решении от 15 октября 2001 года, он не установил срока его дальнейшего содержания под

стражей и никак не обосновал свое решение (см. пункт 15 выше). Это поставило заявителя в состояние неопределенности в отношении оснований для их задержания. В этой связи, Суд повторяет, что отсутствие каких-либо оснований в судебных решениях, санкционирующих содержание под стражей в течение длительного времени, является несовместимым с принципом защиты от произвола, закрепленным в статье 5 § 1 (см. *Solovey and Zozulya v. Ukraine*, nos. 40774/02 и 4048/03, § 76, 27 November 2008). В таких обстоятельствах Суд считает, что решение районного суда от 15 октября 2001 года не обеспечило заявителю адекватную защиту от произвола, которая является важным элементом «законности» содержания под стражей по смыслу статьи 5 § 1 Конвенции, и что, следовательно, содержание заявителя под стражей после 15 октября 2001 года также не соответствовало статье 5 § 1 Конвенции.

76. Таким образом, имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

2. Статья 5 § 3

77. Заявитель считает, что его предварительное заключение было необоснованно длительным.

78. Правительство утверждало, что местные власти имели основания для заключения заявителя под стражу, учитывая, что он подозревался в совершении серьезного преступления, несколько раз не являлся к следователю и мог скрыться от правосудия или препятствовать расследованию. Правительство считает, что местные власти провели расследование с должной тщательностью, с учетом сложности дела и необходимостью проведения ряда следственных действий. Кроме того, они указали, что содержание заявителя под стражей в течение двух месяцев и десяти дней было связано тем, что заявителю потребовалось это время для материалов изучения дела.

79. Суд повторяет, что разумность срока содержания под стражей не может оцениваться абстрактно. Она должна оцениваться в зависимости от особенностей конкретного дела, причин, указанных в решениях национальных судов и обоснованности мотивов, на которые ссылался заявитель в своих ходатайствах об освобождении. Продление содержания под стражей может быть оправдано только в случае наличия конкретных общественных интересов, которые, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивают принцип уважения свободы личности (см., в частности, *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 153, ECHR 2000-IV).

80. Суд отмечает, что досудебное содержание под стражей заявителя длилось два года и четыре месяца. Он отмечает, что серьезность обвинений, выдвинутых против заявителя, и риск его побега были упомянуты в первоначальном постановлении о содержании заявителя под стражей. После этого, прокуроры и суды

не приводили никаких оснований для продолжения содержания заявителя под стражей, а просто постановляли, что ранее выбранная мера пресечения была правильной. Однако статья 5 § 3 гласит, что по истечении определенного времени обоснованное подозрение само по себе не оправдывает лишение свободы, и судебные органы должны представить другие основания для дальнейшего содержания под стражей. Кроме того, эти основания должны быть явно указаны национальными судами (см. *Yeloyev v. Ukraine*, упомянутое выше, § 60). В данном случае суды не указали таких оснований. Кроме того, ни на одном этапе национальные суды не рассматривали никаких альтернативных мер пресечения помимо содержания под стражей.

81. Изложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

3. Статья 5 § 4

82. Заявитель жаловался на отсутствие возможности обжалования на стадии судебного разбирательства.

83. Правительство утверждало, что ходатайства заявителя об освобождении были рассмотрены 12 октября 2001 года, 29 января, 28 февраля, 4, 11 и 14 марта, 19 и 29 апреля, 23 июля, 14 октября и 24 декабря 2002 года, и 13 марта 2003 года. Учитывая серьезность обвинений и риск побега, национальные суды отклонили эти ходатайства. Правительство отметило, что тот факт, что ходатайства заявителя об освобождении не были удовлетворены, не означает, что эти внутренние средства правовой защиты оказались неэффективными. Правительство считает, что заявитель и его адвокат имели возможность оспорить законность содержания заявителя под стражей и сделали это. Таким образом, Правительство утверждало, что нарушения статьи 5 § 4 не было.

84. Суд повторяет, что статья 5 § 4 Конвенции предусматривает право арестованных или задержанных лиц на пересмотр процедурных и существенных условий, необходимых для «законности», в терминах Конвенции, лишения их свободы. Это означает, что суд соответствующей юрисдикции должен рассматривать не только соблюдение процессуальных требований внутреннего законодательства, но и обоснованность подозрений, лежащих в основе ареста, а также законность целей ареста и последующего содержания под стражей (см. *Butkevičius v. Lithuania*, no. 48297/99, § 43, ECHR 2002-II).

85. Суд отмечает, что в обстоятельствах данного дела законность содержания заявителя под стражей неоднократно рассматривалась национальными судами. Однако судебные решения о содержании под стражей заявителя не в полной мере удовлетворяют требованиям

статьи 5 § 4. В этих решениях повторялся стандартный набор оснований для содержания заявителя под стражей без рассмотрения применимости таких оснований в конкретной ситуации заявителя (см., *mutatis mutandis*, *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, §§ 111-112, 1 March 2007).

86. Суд далее отмечает, что ходатайство заявителя об освобождении от 26 сентября 2001 было рассмотрено судом только 15 октября 2001 года, что не отвечает требованию безотлагательного рассмотрения. Вышеупомянутое ходатайство было подано до передачи уголовного дела заявителя в суд. Потребовалось девять дней, чтобы направить материалы дела в суд. Через семь дней суд назначил предварительное слушание и еще через три дня рассмотрел ходатайство заявителя (см. пункты 13-15 выше). Таким образом, безотлагательность рассмотрения законности содержания заявителя под стражей зависела от назначенной даты слушания по делу против него, что противоречило интересам заявителя в обстоятельствах настоящего дела, и что, как представляется, является распространенной проблемой в делах против Украины (см., *mutatis mutandis*, *Sergey Volosyuk v. Ukraine*, no. 1291/03, § 57, 12 March 2009) из-за отсутствия четких и предсказуемых положений, регулирующих порядок судебного разбирательства, которые были бы совместимы с требованиями статьи 5 § 4 Конвенции (см. *Molodorych v. Ukraine*, no. 2161/02, § 108, 28 October 2010, не окончательное).

87. Суд считает, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 6 § 1 И 13 КОНВЕНЦИИ

88. Заявитель жаловался, в рамках статьи 6 § 1, что длительность судебного разбирательства по его делу была необоснованной, и что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении длительности судебного разбирательства по его делу, в нарушение статьи 13 Конвенции. Эти положения, в частности, гласят:

Статья 6 § 1

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

89. Правительство оспорило эти аргументы. Оно заявило, что судебное разбирательство закончилось 30 декабря 2003 года.

90. Заявитель утверждал, что, согласно последней информации, которую он получил в мае 2007 года, уголовное разбирательство еще не завершено.

91. Суд отмечает, что уголовное дело в отношении хищения было возбуждено 21 апреля 2000 года и было на неопределенное время приостановлено в сентябре 2004 года. Он отмечает, однако, что заявитель стал подозреваемым по этому делу 4 апреля 2001 года. 30 декабря 2003 года и 18 сентября 2004 года уголовное дело в отношении заявителя было прекращено в связи с его непричастностью к преступлению, и дальнейшее разбирательство проводилось в отношении неизвестного лица. Суд не убежден, что после 18 сентября 2004 года дальнейшее разбирательство как-либо касалось прав заявителя, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Суд приходит к заключению, что следует принимать во внимание период, который начался 4 апреля 2001 года и закончился 18 сентября 2004 года. Таким образом, он длился три года, пять месяцев и шестнадцать дней для расследования на одном уровне юрисдикции.

92. Суд повторяет, что обоснованность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела и с учетом следующих критериев, установленных практикой Суда: сложность дела, поведение заявителя и соответствующих органов, а также интересы заявителя в данном деле (см., например, *Kudla v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 124, ECHR 2000-XI).

93. Суд отмечает, что в ходе данного уголовного разбирательства дело несколько раз направлялось на дополнительное расследование. В то же время, все национальные суды рассматривали дело, а также ходатайства заявителя без каких-либо задержек, которые нарушали бы требование «разумного срока», изложенное в статье 6 § 1 Конвенции.

94. Принимая во внимание все обстоятельства, Суд пришел к выводу, что в данном случае общая длительность судебного разбирательства не была чрезмерной и не может считаться необоснованной (см., например, *Shavrov v. Ukraine* (dec.), no. 11098/03, 11 March 2008, и *Solovey and Zozulya v. Ukraine*, упомянутое выше, § 89-90).

95. Следовательно, эта жалоба по статье 6 § 1 является явно необоснованной. В отсутствие каких-либо обоснованных претензий по статье 6 Конвенции, Суд не должен рассматривать вопрос о доступности эффективных внутренних средств правовой защиты, как того требует статья 13, в отношении упомянутой жалобы. Следовательно, эта часть жалобы должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

96. Прежде чем рассматривать требования о справедливом возмещении, выдвинутые заявителем в соответствии со статьей 41 Конвенции, Суд и с учетом обстоятельств дела считает необходимым определить, какие последствия вытекают из статьи 46 Конвенции для государства-ответчика. Статья 46 Конвенции гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

97. Суд повторяет, что статья 46 Конвенции, если ее интерпретировать в свете статьи 1, налагает на государство-ответчика правовое обязательство предпринять, под контролем Комитета министров, соответствующие общие и/или конкретные меры для обеспечения прав заявителя, которые, по мнению Суда, были нарушены. Такие меры должны быть предприняты и в отношении других лиц, находящихся в положении, аналогичном положению заявителя, в частности, путем решения проблем, которые привели к выводам Суда (см. *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], nos. 39221/98 and 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII; *Christine Goodwin v. the United Kingdom* [GC], no. 28957/95, § 120, ECHR 2002-VI; *Lukenda v. Slovenia*, no. 23032/02, § 94, ECHR 2005-X; и *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], nos. 30562/04 и 30566/04, § 134, ECHR 2008-...). Это обязательство постоянно подчеркивается Комитетом министров при надзоре за исполнением решений Суда (см., например, ResDH(97)336, IntResDH(99)434, IntResDH(2001)65 и ResDH(2006)1). Теоретически, Суд не обязан определять, какие меры правовой защиты должны быть приняты государством-ответчиком в рамках его обязательств в соответствии со статьей 46 Конвенции. Тем не менее, Суд должен содействовать быстрому и эффективному устранению недостатков, выявленных в национальной системе защиты прав человека (см. *Driza v. Albania*, no. 33771/02, § 125, ECHR 2007-XII (выдержки)).

98. В данном случае Суд установил нарушения статьи 5 Конвенции, которые могут быть названы систематическими в судебной практике в отношении Украины. Хотя два вопроса, рассмотренные в данном случае, больше не возникают в делах, касающихся досудебного содержания под стражей в Украине, благодаря законодательным изменениям (постановление прокурора о заключении под стражу и продлении срока задержания, а также исключение времени для изучения дела при расчете срока досудебного содержания под стражей), другие вопросы по-прежнему остаются актуальными. Так,

Суд регулярно признает нарушения статьи 5 § 1(с) Конвенции в отношении периодов содержания под стражей, не охватываемых судебными решениями, а именно периодов между окончанием следствия и началом судебного разбирательства, и судебных решений, принятых на судебной стадии, не устанавливающих срок содержания под стражей, то есть скорее одобряющих, а не продлевающих содержание под стражей, что несовместимо с требованиями статьи 5 (см., среди прочего, *Yeloyev*, упомянутое выше, §§ 49-55). Обе проблемы, как представляется, связаны с пробелами в законодательстве.

99. Кроме того, Суд часто признает нарушения статьи 5 § 3 Конвенции, связанные с тем, что даже при длительных сроках содержания под стражей национальные суды часто ссылаются, если вообще ссылаются, на один и тот же набор оснований в течение всего периода содержания заявителя под стражей, хотя статья 5 § 3 предусматривает, что по истечении определенного времени обоснованное подозрение само по себе не оправдывает лишение свободы, и судебные органы обязаны привести другие основания для дальнейшего содержания под стражей, которые должны быть упомянуты в решениях национальных судов (см., среди прочего, *Yeloyev*, упомянутое выше, §§ 59-61, и *Svershov v. Ukraine*, по 35231/02, §§ 63-65, 27 November 2008). Суд не может рекомендовать конкретные меры, которые следует принять в этой связи, однако отмечает, что этот вопрос должен быть рассмотрен национальными властями во избежание дальнейших повторных жалоб в этом отношении.

100. Что касается права на пересмотр законности задержания, гарантированного статьей 5 § 4, Суд отмечает, что в этом и других подобных делах, рассмотренных ранее, он сталкивался с проблемой, когда национальные суды не реагировали адекватно на аргументы заявителей относительно необходимости их освобождения. Несмотря на существование национальных судебных органов, уполномоченных рассматривать такие вопросы и принимать решение об освобождении, в отсутствие четкой процедуры рассмотрения законности задержания вышеупомянутые полномочия часто остаются теоретическим, а не практическим средством для целей статьи 5 § 4 (см. *Molodorych v. Ukraine*, упомянутое выше, § 108, не окончательное). Кроме того, безотлагательности рассмотрения законности задержания мешает то, что такой пересмотр связан с другими процессуальными действиями по уголовному делу в отношении заявителя в ходе расследования и судебного разбирательства, хотя такие процессуальные действия не обязательно совпадают с необходимостью рассматривать вопрос о дальнейшем содержании заявителя под стражей оперативно и с разумной периодичностью (см., среди прочего, *Svershov*, упомянутое

выше, §§ 70-72, и *Sergey Volosyuk*, упомянутое выше, §§ 52-59). Наконец, действующее законодательство не обеспечивает защиту заявителей от произвола, например, как в деле *Yeloyev*, когда национальный суд отказался пересмотреть обоснованность содержания под стражей заявителя на том основании, что он уже несколько раз выносил постановление о законности его содержания под стражей, тем самым нарушив право заявителя на пересмотр вопроса о законности его задержания, гарантированное статьей 5 § 4 (см. *Yeloyev* против Украины, упомянутое выше, § 65). Суд считает, что эти вопросы должны решаться национальными властями, чтобы избежать дальнейших повторных жалоб в этом отношении.

101. Согласно практике Суда, при обнаружении недостатков в национальной правовой системе, Суд определяет их источник, чтобы помочь Договаривающимся государствам в поиске соответствующего решения, а Комитет министров осуществляет надзор за исполнением решений (см., например, *Maria Violeta Lăzărescu v. Romania*, no. 10636/06, § 27, 23 February 2010; *Driza*, cited above, §§ 122-126; and *Ürper and Others v. Turkey*, nos. 14526/07, 14747/07, 15022/07, 15737/07, 36137/07, 47245/07, 50371/07, 50372/07 и 54637/07, §§ 51 и 52, 20 October 2009). Принимая во внимание структурный характер проблем, выявленных в данном случае, Суд подчеркивает, что следует срочно провести конкретные реформы в законодательстве Украины и административной практике в целях приведения законодательства и практики в соответствие с выводами Суда, изложенными в настоящем решении, и обеспечить их соответствие требованиям статьи 5. Суд предоставляет государству, под наблюдением Комитета министров, определить наиболее подходящий способ решения проблем, и просит Правительство предоставить сведения о стратегии, принятой в этой связи, в течение максимум шести месяцев с того дня, когда настоящее решение станет окончательным.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

102. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

103. Заявитель утверждал, что он понес нематериальный вред, но не указал требуемой суммы. Он оставил этот вопрос на усмотрение Суда.

104. Правительство отметило, что требование о возмещении должно быть конкретным и подтвержденным документально.

105. Суд считает, что заявитель понес определенный нематериальный ущерб. Решая на основе справедливости, Суд присуждает выплатить заявителю 20000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

В. Расходы и издержки

106. Заявитель не выдвинул никаких требований. Таким образом, Суд не присуждает никаких выплат.

С. Пеня

107. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которым следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признает* жалобу относительно условий содержания заявителя под стражей в соответствии со статьей 3, а также его жалобы по статье 5 §§ 1 (с), 3 и 4 приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с физическими условиями содержания заявителя под стражей в Киевском СИЗО;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции;
6. *Постановляет*:
 - (а) государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, 20000 (двадцать тысяч) евро, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации нематериального ущерба, в переводе в национальную валюту Украины по курсу, действующему на день выплаты;

(b) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 10 февраля 2011 года, в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердийк
секретарь

Пеер Лоренсен
председатель